

Осенью 16-ого года эпохи Юань Фэн в столичном судоходном доке уже во всю кипела жизнь: корабли компании Цзянсу отчитались о выгрузке озимых зерновых культур, а их служащие по приказу молодого главы по очереди несли на корабль различные местные деликатесы.

Были там и другие, специализирующиеся на техническом обслуживании рабочие, завершающие последний этап капитального ремонта и ворчащие о том, что пора бы уже отплывать, пока солнце и ветер ещё благоволят им.

В один момент как из ниоткуда к кораблю приблизилась пара коней, и молодой человек лет двадцати, крайне приметной наружности спешил с одного из них. Золото короны сверкало на его голове. Он остановился перед судном в молчании, позволив себе разве что улыбнуться, и указав на корабельных рабочих хлыстом в руке, наконец, спросил:

— И где ваш молодой глава?

Рабочие тут же указали пальцами в сторону корабля, и Чжао Цзихэн походя передал поводья своему спутнику, Шу Чанфэну, сам тем временем направляясь на самый большой из имеющихся у Цзянсу кораблей. Свернув к каюте на верхнем этаже, он выцепил от туда спавшую Бай Шици:

— Давай, Шици, просыпайся!

Эта так называемая Бай Шици была единственным ребенком главы Бай Чжэньтина, и только-только достигла совершеннолетия, когда прошлой ночью решила пойти в город послушать цзацзю Девятой Леди Сун. Разумеется, вернулось она с самым рассветом и сейчас, проснувшись от шума, разве что сердито дернула ногой в сторону голоса:

— Отстань!

Однако Чжао Цзихэн умело уклонился, не примянув пощекотать ее босые бледные ступни:

— Почему твои ноги нежнее, чем у женщин? — спросил он с навязчивым ощущением того, что такие тонкие кости, должно быть, легко сломаются. Совсем как бамбук. — Ай~яй, не бей меня, эй! Если ты испортишь мне лицо, как я смогу заставить юных леди восхищаться мной?

— Ты просто чокнутый нарцисс, свали! Лао-цзы изволят переодеваться!

Бай Шици подтянула к себе одеяло и, дождавшись когда незванный гость уйдёт, наконец встала, оделась, умыла лицо и прополоскала рот, чтобы выглядеть более презентабельно. К счастью, вернувшись вчера вечером, она не сбросила всю одежду и не сняла корону с головы.

Бай Чжэньтин был давно и безнадежно женат, когда осознал, что так и не обзавёлся положенными наследниками. И даже несколько наложниц не помогли ему исправить это

досадное недоразумение.

Потому, когда его первая жена, Су Ши, всё же произвела на свет дочь, он тут же поспешил сменить бывшего главу компании, заявляя, что она, мол, разродилась мальчиком, ведь в тайне он надеялся, что так и будет — Су Ши выносит ему ещё 16 или того лучше, 17 сыновей.

В итоге новорожденную называли Шици (* 17), как бы желая тем самым процветания семьи Бай на долгие годы.

Но к несчастью для них, судьба распорядилась иначе и все последующие 20 лет прошли в определённого рода застое — казалось даже, что весь гарем его двора как-то тайно сговорился не заводить детей.

Бай Шици была удивительно похожа на Су Ши. Унаследовав от матери и алые губы, и белоснежный ряд ровных зубов, обнажаемых хитрой улыбкой, она была удивительно высокого для девчонки роста (1,7 м) и обладала уникальным талантом влипать в неприятности. Что, однако, не помешало ей уже в 7-8 лет начать принимать участие в экспедициях по перевозке соли, проходивших дважды в год. После многократных впечатляющих успехов можно было сказать, что предки бы ей гордились.

Бай Чжэньтин, в свою очередь, очень любил своё единственное дитя. И когда Шици только исполнилось 16, он позволил ей последовать за дядей Гуанем в столицу, чтобы помочь с транспортировкой провизии. И даже попытка Су Ши его остановить оказалась бесполезной, ведь, в конце концов, решения в доме принимал его глава.

Однажды он сказал:

«— Наследникам положено много путешествовать, оставляя миру свой след. Мы же не можем позволить, чтобы жизнь Шици вращалась вокруг одного этого клочка земли, не так ли?»

Су Ши все звали красавицей из Цзяннаня. Она обладала тем особым очарованием, когда казалось, что и слёзы будто каплями дождя оседают на цветках груши, и гнев не способен изуродовать миловидного лица.

— Скажи, Шици точно мой ребенок? — спросил Бай Чжэньтин, оставшись как-то наедине с супругой, и тут же, противореча самому себе, покачал головой. — Нет, если она не моя, лучше не говори!

Он притянул Су Ши к себе, сжав кулаки.

Странная боль прошила его сердце.

— У Лао-цзы так много предприятий, и в будущем они будут принадлежать Шици. После того, как она войдёт в курс всех дел, она станет главой.

Будучи ребенком нынешнего главы, Шици не могла просто есть, пить и веселиться. В конце концов, он захватил эту власть, и любой достойный наследник должен был поддерживать её.

Бай Чжэньтин не понимал многих громких слов, но он точно знал, что богатые господа обычно желают, чтобы именно их родные дети унаследовали семейное состояние.

Он баловал своё дитя, но нуждался в чём-то взамен, и Бай Шици не подвела его. С юных лет она научилась читать и практиковать кун-фу, она была умна, и даже мастера, приглашенный им для её обучения, вечно твердили, что у нее очень цепкая память.

Стоило только научить ее однажды, и она тут же схватывала, впитывала всё как губка, разве что в боевых искусствах ей не хватало умений, но, поскольку отец и дядя Гуань постоянно ловили её и заставляли тренироваться, она, наконец, постепенно улучшила свои способности.

— Бай Шици, сам процесс рождения ребёнка из чрева матери говорит, что человеку должно быть не только интеллектуально и культурно развитым, но и физически совершенным, способным на борьбу!

Позже, впрочем, станет ясно, что она была немного наивной, а Бай Чжэньтин явно временами был не в ладах с головой. В возрасте 13-14 лет он заставлял ее садиться за стол со взрослыми, чтобы испить вина, посчитав однажды, что это улучшит ее уровень устойчивости к алкоголю. В 15 лет он позволил одному из доверенных лиц привести своего так называемого «сына» пить на улицу с девочками из публичного дома, сказав что-то вроде: «Сиди и учись, чтобы следовать за своими мечтами!»

Бай Шици повезло, что при ее довольно низкой толерантности к алкоголю сначала, нынешний уровень можно было уже считать невероятным успехом. В 16 лет она была у всех на слуху, а число ее «поклонниц» можно было исчислять десятками. Она родилась с красивым лицом и не стеснялась тратить деньги, более того, никогда не разорялась на пустую ругань, что сделало ее очень популярной среди Цветочных Домов, расположившихся на улице красных фонарей.

Бай Чжэньтин был вполне доволен результатами ее обучения и продолжал натаскивать ее сам, чтобы в будущем она могла помогать ему в деловых отношениях. Когда же Шици исполнилось 18, она смогла самостоятельно перевозить провизию в Цзин. При этом ей приходилось иметь дело как с высшими, так и с низшими чинами на каждом мало-мальски обитаемом контрольно-пропускном пункте по пути. И этот, третий по счёту год, когда она въехала в Цзин с продуктами, не стал исключением.

Приведя себя порядок, она подошла к Чжао Цзихэну на палубе, все еще недовольно кривя лицо.

— И зачем ты меня искал?

Чжао Цзихэн был бездельничающим золотым сыном богатеньких родителей. Они

познакомились во время драки из-за куртизанки на прогулочном катере в Сучжоу. И разумеется, Бай Шици, которая с детства пережила много драк, победила, довольно сильно попортив его смазливую мордашку в процессе. И если кто-нибудь тогда заявил бы ей, что всё это перерастёт в дружбу, Шици рассмеялась бы этому человеку в лицо.

Но сегодня, разумеется, Чжао Цзихэн пришел по какому-то невероятно важному вопросу.

— Слушай, — сразу начал он, — У меня есть старший двоюродный брат, который недавно получил серьёзные травмы. Самые искусные столичные лекари старались изо всех сил, но ему так и не стало лучше, поэтому я решил поискать умелых врачей в Цзяннане. А потом вспомнил, что ты же как раз оттуда и собираешься скоро возвращаться, поэтому я примчался, как только смог. Даже уже сказал семье, что плыву на корабле близкого друга на юг, — улыбнулся он во весь рот. — Мы же близкие друзья, не так ли?

Бай Шици, у которой, очевидно, не было другого выбора, только закатила глаза.

— Если хочешь ехать, собирайся, только быстро, мы отправляемся через 2 часа, и я не собираюсь тебя ждать.

Лицо Чжао Цзихэна тут же озарилось.

— Я сейчас! — он сразу же сошел с корабля и подбежал к Шу Чанфэну.

В Цзяннане Бай Шици была популярна, у нее было много самых разных друзей, и её имя вечно было на слуху.

С вершины палубы окинув взглядом карету Чжао Цзихэна и его двоюродного брата, она заметила более дюжины охранников на высоких лошадях, окружающих и охраняющих их. Стоило отметить, что происхождение этого двоюродного брата Чжао Цзихэна, должно быть, было впечатляющим, раз уж тут собралась вся эта толпа. Шици предположила бы, что он выходец из семьи какого-нибудь государственного чиновника.

Но вот карета остановилась, и один из охранников снял инвалидную коляску с задней части, а другой наклонился, подняв занавес; и прямо перед ней возникло суровое, холодное лицо мужчины, с неясной печатью войны, выдающей в нём если не солдата, то человека привыкшего к битвам.

Когда вся эта компания вышла из экипажа и перебралась на корабль, Чжао Цзихэн лично представил Бай Шици и брата друг другу:

— Это мой старший двоюродный брат Чжао Уцзю, а это мой друг Бай Шици.

Внимательный взгляд Чжао Уцзю быстро прошёлся по ней, не задерживаясь ни на чём

конкретно — он всё ещё сидел в своём инвалидном кресле, однако у Шици отчего-то сложилось впечатление, будто он смотрит на неё сверху вниз, и ей тут же стало неловко, хотя она и сознавала, что это было элементарно невозможно.

Поспешив найти кого-то, кто подготовит пассажирскую каюту, Шици сказала рабочему сопроводить Чжао Уцзю и его группу к месту, где те могли бы отдохнуть. Сама же она в это время отвела в сторону Чжао Цзихэна, чтобы задать ему пару-тройку вопросов:

— Скажи мне честно, твой двоюродный брат какой-нибудь правительственный чиновник? Потому что существует только четыре слова, чтобы описать выражения его лица.

— Что за четыре слова? — полюбопытствовал Чжао Цзихэн.

Бай Шици принялась загибать пальцы:

— Строгое, хищное, непроницаемо-отстраненное, — описала она общие впечатления, — Такое чувство, что, если ты не согласишься с ним, он схватит тебя за грудки и примется выбивать всё дурь, пока ты не поменяешь своё мнение или, в конце концов, отрубишься. Он что, судебный пристав? Или, может быть, кто-то из прокуратуры? Если это профессиональная деформация, то сомневаюсь, что кто-то сможет его вылечить. Мускулы, позволяющие улыбаться, не задействовались слишком долго, поэтому осталось только это выражение. Обычно это называют... параличом лицевого нерва.

Чжао Цзихэн неопределенно пожал плечами.

— Довольно близко к истине, он надзиратель в большом военном лагере. Если кто-то там нарушит закон, его наверняка схватят и избьют розгами.

Это было более или менее похоже на то, что сказала Бай Шици, и она чуть не набросилась на друга, чтобы оторвать его тупую собачью бошку.

— Хоро~ош..., ты определённо хоро~ош... Тебе так нужно было посадить на мой корабль государственного служащего?! Признайся, ты что, хочешь вырыть мне яму, чтобы я могла спокойно отдать в ней концы, а? Просто скажи это уже!

Шици возмущалась не просто так: суда, перевозящие провизию, имели привычку пустеть, как только выгружали всё в столице, а потому многие из них на обратном пути обычно перевозили контрабанду.

Однако имперский суд постановил, что это считается незаконным.

В 16 лет Бай Шици начала ездить с дядей Гуанем в Цзин, чтобы возить провизию, но чиновники по пути следования уже были с ними знакомы, а потому любезно закрывали глаза

на не совсем законные перевозки. Но теперь непосредственно на корабле будет это строгое и непроницаемое лицо государственного служащего. Что это, если не подстава?

Голова Бай Шици неожиданно заныла, стоило ей только вспомнить грузовой отсек, полностью забитый контрабандными товарами.

<http://tl.rulate.ru/book/51381/1292968>